

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА

DOI:10.31696/S086919080038520-9

ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ В КОАЛИЦИИ ЦЕНТРАЛЬНЫХ ДЕРЖАВ:
УСЛОВИЯ И ПРЕДЕЛЫ ВНЕШНЕГО УПРАВЛЕНИЯ¹

© 2026

В.С. МИРЗЕХАНОВ ^a, Л.В. ЛАННИК ^b^{a, b} – Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия^a – ORCID: 0000-0003-0660-6508; WoS Researcher ID: J-1238–2018;

Scopus Author ID: 57202778122; lum62@yandex.ru

^b – ORCID: 0000-0003-4313-5557;

WoS Researcher ID: ABD-9832-2020;

Scopus Author ID: 57211606261; leo-lannik@yandex.ru

Резюме: Коалиционное взаимодействие в ходе Первой мировой войны значительно деформировало довоенную структуру отношений между воюющими странами. Огромные масштабы военно-технического сотрудничества, рост влияния военных элит относительно политиков, дипломатов и экономистов, а также кризисные явления, вызванные переходом к тотальной войне, поставили под угрозу суверенитет многих младших партнеров коалиций. В условиях ускоренной мобилизации ресурсов, централизации управления и чрезвычайного законотворчества зависимость от ведущего союзника усиливалась как оперативно, так и институционально, затрагивая военную, финансовую, инфраструктурную и кадровую сферы. Это вело к перераспределению компетенций и к сужению пространства автономных решений. Послевоенное развитие оказалось необратимо деформировано, поскольку зависимость от основного союзника вышла на беспрецедентный уровень, а возможность избавиться от неё требовала длительной структурной перестройки и десятилетий модернизационных усилий. Несмотря на подобные риски, осознаваемые в Османской империи младотурками, война заставила допустить углубление контроля со стороны Германии, поскольку многие отрасли социально-экономического развития, транспортная и военная инфраструктура империи оказались недостаточными даже по меркам 1914 г. Масштабные модернизационные сдвиги военных лет, включая реформирование снабжения, связи и подготовки кадров, частично нивелировались ускорением военно-технического прогресса в индустриальных державах. В результате борьба за минимум суверенитета осложнялась насущной задачей расширения ресурсного снабжения, кредитования и поставок технологий, без которого сохранение турецкой государственности становилось проблематичным в краткосрочной перспективе. механизмы коалиционной координации не сводились к одностороннему диктату, а включали сложную систему переговоров, институциональных компромиссов, взаимных ограничений и кадровых конфликтов. Для рассмотрения проблем позднеосманского суверенитета и условий взаимодействия Центральных держав необходимо переосмыслить имеющуюся литературу по истории Великой войны на турецких фронтах, отказаться от предвзятых оценок младотурецкого режима и перейти к коалиционной и трансимперской перспективе анализа, учитывающей динамику взаимозависимости, конкуренции и внешнего управления.

¹ Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение № 075-15-2024-537).

Ключевые слова: Османская империя, Первая мировая война, Центральные державы, государственный суверенитет, младотурки, германо-османские отношения, военные элиты, военно-техническое сотрудничество, коалиционная война, инфраструктура, трансимперская история

Для цитирования: Мирзеханов В.С., Ланник Л.В. Османская империя в коалиции центральных держав: условия и пределы внешнего управления. *Восток (Oriens)*. 2026. № 3. С. 65–79. DOI: 10.31696/S086919080038520-9

THE OTTOMAN EMPIRE IN THE CENTRAL POWERS COALITION: CONDITIONS AND LIMITS OF EXTERNAL CONTROL²

© 2026

Velikhan S. MIRZEKHANOV ^a, Leontiy V. LANNIK ^b

^{a, b} – Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

^a – ORCID: 0000-0003-0660-6508; WoS Researcher ID: J-1238–2018;

Scopus Author ID: 57202778122; lum62@yandex.ru

^b – ORCID: 0000-0003-4313-5557; WoS Researcher ID: ABD-9832-2020;

Scopus Author ID: 57211606261; leo-lannik@yandex.ru

Abstract: *Coalition warfare during the First World War profoundly reshaped relations between the belligerent powers and placed the sovereignty of many junior partners under considerable strain. The unprecedented scale of military technical cooperation, the growing predominance of military elites, and the systemic pressures of total war generated new forms of dependence embedded in command structures, financial arrangements, and infrastructural development. These wartime asymmetries conditioned post-war trajectories and constrained the capacity of weaker states to disengage from reliance on dominant allies. The Young Turk leadership of the Ottoman Empire remained keenly aware of these risks. Yet the exigencies of war compelled the Porte to deepen German strategic and technical involvement, since the key sectors of Ottoman infrastructure and socio-economic development remained inadequate even by the standards of 1914. Wartime modernisation efforts, though substantial, proved insufficient to offset the accelerating pace of military and industrial innovation among the major powers. The struggle to preserve even a limited degree of effective sovereignty therefore depended upon access to foreign resources, credit, expertise, and technology, without which Ottoman statehood itself appeared increasingly precarious. This article argues that coalition interaction within the Central Powers cannot be reduced to a straightforward model of external domination. Rather, it constituted a layered process of negotiated interdependence, operational compromise, and institutional adaptation. A reassessment of late Ottoman sovereignty and of intra-coalition relations within the Central Powers requires renewed attention to the historiography of the Ottoman fronts and a trans-imperial analytical framework attentive to reciprocal constraints, coalition dynamics, and the contingent nature of sovereignty in wartime.*

Keywords: Ottoman Empire, World War I, Central Powers, state sovereignty, Young Turks, German–Ottoman relations, military elites, military technical cooperation, coalition warfare, infrastructure, transimperial history

² The article is written within the framework of a grant provided by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (agreement № 075-15-2024-537).

For citation: Mirzekhanov V.S., Lannik L.V. The Ottoman Empire in the Central Powers Coalition: Conditions and Limits of External Control. *Vostok (Oriens)*. 2026. No. 3. Pp. 65–79. DOI: 10.31696/S086919080038520-9

Несмотря на крупные достижения мировой историографии Первой мировой войны за последнее десятилетие, ряд направлений остается недостаточно изученным. До сих пор в стадии становления остается и целостная коалиционная история конфликта, хотя исследование довоенных блоков великих держав, а также отдельных параметров военной координации и фронтов через призму коалиционных усилий достигло высокого уровня [Afflerbach, 2002]. Существенных препятствий для ликвидации сохраняющихся лакун в динамике и структуре коалиционного взаимодействия нет, не считая некоторых источниковых ограничений. Едва ли можно говорить о недостатке внимания или невостребованности истории коалиций³ в ходе Великой войны (и до, и после нее), однако до сих пор сказывается ригидность подходов с узко «национальной» или исключительно «двусторонней» спецификой.

Негативно сказывается сохраняющаяся до сих пор фрагментация истории Первой мировой по театрам военных действий (ТВД) или отдельным регионам⁴, с резкой диспропорцией в степени их изученности. Применительно к Центральным державам в целом, действовавшим в стратегии «осаждённой крепости» и по геополитическим «внутренним операционным линиям», это особенно некорректно. Османская империя, прилагавшая военные усилия на, по меньшей мере, 7 различных ТВД, при таком «сепаратном» подходе оказывается вне пространства взвешенных оценок и устойчивых к критике аналогий. Традиционное обращение к истории двусторонних отношений (даже с дрейфом в сторону «переплетённой истории»)⁵ применительно к военно-политическим сюжетам дает особенно приблизительную точность, а в условиях многостороннего взаимодействия внутри коалиции с явным, но далеко не бесспорным лидерством одной державы, как это было в Четверном союзе, или без единого лидера, как это было в Антанте, сколь угодно локальные платформы координации могут считаться двусторонними лишь по воле автора и с явными допущениями⁶. Этим характеризуется и вполне естественная исследовательская гипотеза о внешнем управлении Османской империей в годы Великой войны со стороны кайзеровской Германии или даже отдельных личностей (например, Энвером-пашой со стороны Э. Людендорфа). Сразу возникает масса вопросов терминологического и методологического свойства относительно ряда привычных, но явно эмоциональных категорий. Важнейшим условием к ревизии устоявшихся оценок относительно пределов внешнего управления Османской империи может и должна стать подлинно коалиционная история участия Центральных держав в Великой войне с акцентом на исследование взаимозависимости (а не одностороннего влияния) и на динамике суверенитета.

³ Долгое время едва ли не единственной работой подобного рода в отечественной историографии, где при обилии статистики немало неточностей и некорректных сравнений, оставалась: [Лютов, Носков, 1988]. Едва ли не самой востребованной работой о коалиционном взаимодействии Османской империи остается: [Weber, 1970].

⁴ Это касается даже лучших документальных обзоров и новейших работ. См., напр.: [Bihl, 1975; Bihl, 1992; Bachinger, 2018].

⁵ Особое место занимает направление, посвящённое многовековому сосуществованию империй с центрами в Вене и Константинополе. См., напр.: [Buchmann, 1999; *Auf den Spuren der Osmanen*, 2002; *Österreich in Istanbul*, 2010–2018].

⁶ Это необходимо иметь в виду даже в отношении столь незаменимой до сих пор работы, как: [Mühlmann, 1940]. Характерно, что сам автор (и ветеран османских фронтов) следующую свою работу посвятил более широкому коалиционному взаимодействию, хотя и с явно исключительно германской перспективой рассмотрения: [Mühlmann, 1942].

С учетом сложившейся историографической традиции в исследовании при такой постановке проблемы корректные результаты могут дать только трансимперская история и по-настоящему наднациональный подход, с отказом от устоявшихся политизированных оценок. Активное развитие именно такого направления в последние несколько лет [*Handbuch einer transnationalen*, 2017; *Transottomanica*, 2019; Мирзеханов, Ланник, 2025; Мирзеханов, 2019] позволяет перейти к последовательному пересмотру многих штампов, определявших историографию, в частности, поздней Османской империи по меньшей мере в кириллическом пространстве, где продолжали тиражироваться тенденциозные подборки фактов и цитат, весьма убедительно демонстрировавших желаемую динамику событий [Михайлов, 2017]⁷, но выводивших из плоскости напрашивающихся сравнений (с соседней Персией, например, или с Египтом эпохи хедивата). Приходится учитывать и специфику иной, развивающейся теперь трудами не только турецких ученых, традиции явной глорификации Порты в целом и её вооруженных сил в частности, а также нехватку литературы, альтернативной признанным за последние 2–3 десятилетия авторитетам по истории османского участия в Великой войне⁸. Применительно к военным годам трансимперскому подходу в наибольшей степени соответствует именно коалиционная история противостояния.

Суверенитет той или иной воюющей страны вне зависимости от набора её текущих (или декларативных) международных обязательств может быть оценен по нескольким особенно важным секторам: 1) военному, 2) финансовому, 3) инфраструктурно-техническому, 4) политико-идеологическому. Дипломатическая сторона обеспечения суверенитета, традиционно привлекающая особое внимание исследователей, из-за богатства источниковой базы, зачастую отражает протокольные формальности (также важные для отдельных аспектов истории международных отношений и системного взаимодействия), однако крайне слабо коррелирует – в том числе в связи с последовательными соответствующими усилиями – с реальной степенью суверенитета, зачастую последовательно фальсифицируемой средствами, адекватными той или иной эпохе (монаршими декларациями, публикациями в СМИ, договорной базой вне «секретных дополнений», идеологическими кампаниями и т. д.).

Характерно, что для общественного мнения (и парламентской оппозиции) в Австро-Венгрии, а тем более в Германской империи внешнее управление Османской империей в тех или иных коалиционных рамках легитимировалось не только категорическим требованием оптимизации военных усилий, но и окончательно сложившимся по итогам Балканских войн убеждением в крайней «нецивилизованности» ведения войны и Портой, и её недавними подданными [Keisinger, 2008], что превращало откровенный сюзеренитет над формально равным союзником в цивилизационную миссию. То же ощущение, как и сложившиеся в публицистике мотивы в странах Антанты использовались в аналогичных целях, но ради смены «коллективного» внешнего управления Портой через Администрацию османского долга и традиционные военные миссии [Wallach, 1976; Römer, 2007] на другую коалицию великих держав.

Аргументом в пользу гипотезы о внешнем управлении, по меньшей мере военного аппарата Османской империи становится структурно-статистический анализ его развития с учетом должностей, занимаемых офицерами из Кайзеррейха⁹. При чрезвычайно высокой

⁷ Данная работа довольно часто опирается на долгое время оставшийся непревзойденным труд Г.З. Алиева почти полувекковой давности и очевидного целеполагания: [Алиев, 1972].

⁸ До сих пор востребована работа более чем полувекковой давности: [Trumpener, 1968]. В отечественной историографии ситуация во многом схожа, см.: [Лудшувейт, 1966]. По экономическим проблемам ситуация и того нагляднее, судя по возрасту важнейшего исследования: [Новичев, 1935].

⁹ Внушительную статистику приводил ветеран германо-османского военного сотрудничества К. Мюльманн: [Mühlmann, 1940, p. 283–312].

доле как штабных, так и строевых должностей, занимаемых иностранцами и в армии, и на флоте (а тем более – в авиации), устойчивой динамики по наращиванию такого прямого управления не прослеживается, хотя кадровая проблема в вооруженных силах Порты остро стояла и до Великой войны, а во время неё продолжала обостряться, в том числе по соображениям политической лояльности младотуркам. Общий «учебный» смысл германской военной миссии и после вступления Порты в ряды Центральных держав вовсе не отменяли, а условия её дальнейшей работы (после ожидавшегося завершения мировой войны) оставались предметом первичных дискуссий. Ни о каком законодательном или условно-бессрочном закреплении за иностранными офицерами базовых постов в войсках и на флоте Османской империи не было и речи.

Зачастую совершенно игнорируется вопрос о динамике подготовки и довольно активного продвижения по службе собственно османских офицеров и генералов, их последовательной борьбы за сохранение самостоятельности и культурно-этических особенностей даже с ближайшими германскими советниками. Целое поколение прославившихся не только в Великой войне, но и особенно в годы войны за независимость военачальников кемалистов стали прямым следствием усвоения и переосмысления европейского военного опыта, а не слепого копирования или готовности подчиняться внешнему управлению, иначе под угрозой объявления вне закона все они остались бы на стороне правительства Мехмеда VI, а вспышки гражданской войны были бы подавлены в течение нескольких месяцев после подписания Севрского мира. Почти не ставится проблема взаимоотношений с австро-венгерскими коллегами, хотя они представляли ценную альтернативу диктату Кайзеррейха, а уже тем более – с болгарским союзником, хотя известное влияние на военные каналы модернизации Порты оказывали даже из Софии¹⁰.

Финансовый суверенитет Османской империи стал предметом живейшего интереса европейских деловых кругов задолго до Великой войны [Schweitzer, 1903], однако к 1914 г. динамика турецких обязательств, расчетов по ним и важнейших перемен в политике Константинополя в рамках возможной реструктуризации стала затрагивать великие державы в куда большей степени, чем это было привычно в рамках былых представлений о «больном человеке». Упорные усилия не только младотурок, но и ряда правительств при Абдул-Хамиде II позволили стабилизировать и начать постепенное сокращение доли платежей по долгам в общем балансе страны [Shaw E.K., Shaw S.J., 1977; Мирзеханов, 2020], что следует полагать важным показателем стремления к восстановлению суверенитета и реальных к этому перспектив, однако катастрофа военных поражений 1911–1913 гг. и резкий рост заимствований для модернизации вооруженных сил (но не только их) сделали динамику неоднозначной. Только на этом фоне следует оценивать важнейший шаг младотурецкого режима осенью 1914 г. – отмену капитуляций, воспринимавшуюся тогда как мера декларативная и неокончательная, особенно в Германии и Австро-Венгрии, однако оставшуюся в силе и после вступления Османской империи в войну. В условиях коалиционного взаимодействия преобразование прежнего режима финансовой зависимости Порты в более приемлемый психологически для османских элит, но без материального ущерба для кредиторов из Центральных держав превратилось в чрезвычайно щепетильную проблему. Маневры вокруг потенциальных льгот и реструктурирования, а также в вопросах дальнейшего масштабного кредитования Константинополя Веней и Берлином стали одной из важнейших глав в истории германской коалиции в Великой войне, ведь их всё чаще увязывали с решением территориальных споров на Кавказе и на Балканах.

Кампании 1915 и 1916 гг. не только окончились неожиданными успехами, главным из которых было само продолжение участия Порты в противостоянии, но и привели к

¹⁰ Это заметно по биографии некогда служившего там военным атташе Мустафы Кемали-паши.

новому максимуму заимствований с назревшим осознанием несостоятельности надежд на стабилизацию финансового положения империи «конвенционными» средствами. Выходом из такого положения могло стать явное делегирование административных полномочий внешним игрокам, предоставление им возможности осуществлять стратегические усилия на османской территории вовсе без права воздействия султанских властей либо проведение младотурками серии ещё более решительных реформ. Многие из таковых не могли не затронуть чувствительные для европейцев сферы традиционных привилегий или вызвать новую волну скепсиса в способности достижения целей «азиатами», как и сомнений в уместности дополнительных рискованных шагов в обстановке острого военного кризиса к началу 1917 г. и Порты, и Центральных держав в целом.

Ключевой фигурой для истории османских финансов (в том числе теневого) не менее двух десятилетий XX в. оставался Джавид-бей, позиция которого относительно внешнего управления (вовсе не обязательно со стороны Германии) может считаться определяющей при анализе данной проблемы. Его роль в управлении Османской империей в годы Великой войны весьма отчетливо видна по утверждению военных бюджетов в парламенте, проводившихся – даже весной 1917 г., когда катастрофическое положение было более чем очевидно, – с такой высокой долей специфической откровенности (о шокирующем дефиците бюджета, бурном росте денежной массы и еще более быстром – цен, об огромной роли германских кредитов, задолженности на долгие годы послевоенного периода и т. д.), что это обеспечило внимание германских публицистов [Dschawid Bei, 1917].

Массированные поставки золота Германской империей (и в куда меньшей степени Австро-Венгрии¹¹) на османскую периферию с середины 1917 г. обозначали новый этап стратегических усилий Центральных держав на азиатских ТВД. Результаты такого подхода, справедливо критикуемого Джавид-беем, были неутешительны: ожидаемого бурного роста легальных поставок сырья и продовольствия, обуздания инфляции и мощного стимула к наращиванию производства не последовало, скорее наоборот¹². Специфика Леванта, а тем более мира аборигенов сирийских степей и курдских нагорий оказалась сильнее арифметических расчетов и европейских представлений. Подвели не объёмы внешнего вмешательства, а невозможность именно внешнего «инжиниринга» социально-экономической трансформации, требующей комплексных усилий и не одного (в лучшем случае) десятилетия. Эффект от вливания огромных средств и общего оживления денежного обращения (как и тезаврации) сказывался в регионе до следующей крупной волны иностранных инвестиций, в первую очередь в Мосульском регионе.

Технократический подход младотурецких правительств, готовность их лидеров к рискованным и даже беспощадным мерам для дальнейшего участия в военном противостоянии за счет собственных, а не только предоставленных ресурсов позволяли публицистам едва ли не прославлять эффективность финансовой политики и чрезвычайных мер распределения средств, уверенно констатируя перед финальной кампанией Великой войны разительные перемены к лучшему (!) относительно осуждаемого периода хамидовского застоя [Emin, 1918]. Этот самообман не накануне, а в разгар катастрофы дорого стоил не только Османской империи, но и её союзникам. Позднее объяснения этому пытались искать в технических вопросах обеспечения фронтов, что выглядит логично, однако остается явной примитивизацией проблемы.

¹¹ Её участие в османских военных усилиях зачастую недооценивается, как и амбиции, и надежды на приобретение по итогам Великой войны: [Jung, 1992; Kolm, 2001].

¹² В этом отношении особенно ценны мемуары начальника снабжения на Месопотамском ТВД обер-квартирмейстера генерал-майора О. Грессманна. См.: [Воспоминания с Ближнего Востока, 2023, с. 217–246].

Инфраструктурно-технический суверенитет Османской империи изучен в целом хуже прочих выделенных выше из-за очень долго державшегося ощущения беспорности его околонулевого значения при столь же общей уверенности в определяющем качестве именно этого параметра, с соответствующими выводами в адрес потенциала Порты и до Великой войны, и во время неё. Лишь поступательное развитие турецкой (и не обязательно турецкоязычной) историографии привело к постепенному редактированию общей картины, основанной на стереотипных ярлыках и внеакадемических категориях вроде «отсталый» и «устаревший». Едва ли приходится отрицать резкую нехватку финансовых возможностей и тем более навыков для реализации стратегических проектов и до начала Первой мировой войны [Nagel, 1996], и после (включая большую часть президентства Ататюрка), однако с некоторым оговорками то же можно диагностировать по меньшей мере во всех балканских странах и в известной степени и в Австро-Венгрии, а тем более в Италии, на Пиренеях и т. д. Османская империя остается жертвой стереотипов, перешедших в академическую среду за счет некритического заимствования сведений из прессы и слабо развитой компаративистики. Если бы держава Османов в годы Великой войны в полной мере и на всех уровнях соответствовала традиционным представлениям, то даже при условии громадной германской и заметной австро-венгерской помощи выдержать не только 4, но и 2 года участия в мировом конфликте она была бы не в состоянии чисто технически, даже без необходимости отбивать штурм Дарданелл¹³. Победа при Галлиполи была одержана не только из-за ошибок Антанты, но и благодаря готовности нести огромные потери, выдерживать сильнейшее напряжение месяцами, что требует определенного уровня дееспособности, тем более что сколько-нибудь устойчивая линия связи и снабжения из Центральных держав в Константинополь открылась только после разгрома Сербии, уже после основной фазы эвакуации антантовских десантов, в декабре 1915 – январе 1916 г.

Одним из перспективных подходов, способных дать интегральный результат в том числе в анализе различных составляющих реального (а не декларируемого) суверенитета, хотя и преимущественно в условиях мирного, а не военного развития, может стать история мобильности [*The Mobility-Security Nexus*, 2022], в том числе история инфраструктурных проектов. Развитие этого направления особенно хорошо фиксируется на османском материале эпохи Великой войны, ведь изучение одной только Багдадской и Хиджазской магистралей (в основном, однако, до осени 1914 г.) стало основой для обширного блока литературы различной степени академичности.

Роковую роль именно инфраструктурных дефицитов, которые оказалось невозможно компенсировать даже массированными поставками передовой техники (грузовиков и авиации, например), а также весьма щедрыми вливаниями твердой валюты, демонстрируют германские источники о событиях на Месопотамском, Кавказском и Палестинском ТВД, продолжающие поступать в научный оборот [*Friedrich Freiherr Krefz von Kressenstein*, 2020; *Воспоминания с Ближнего Востока*, 2023]. Низкая связность империи возымела двойственный эффект, позволяя задействовать различные каналы воздействия на местных акторов в борьбе за их симпатии (однако проосманские силы в Аравии, Палестине, Месопотамии, Персии и Северной Африке известны до сих пор куда хуже проантантовских), но лишая всякой возможности действительно массовой и постоянной поддержки локальных союзников, что стало важным фактором успеха периферийной стратегии Антанты.

¹³ Можно констатировать не только нехватку литературы, но и недостаточный учет многочисленных достижений историографии в подлинно международной перспективе. Сопоставление данных нескольких ключевых работ дает возможность достаточно корректной реконструкции реалий османской военно-административной машины и до 1914 г., и в последующие годы: [Hartmann, 2016; Beşikçi, 2012; Erickson, 2007].

В годы Великой войны произошли подлинно революционные изменения в техническом оснащении Османской империи, особенно в связи с предпринятыми германскими и австро-венгерскими союзниками мерами по рационализации работы железных дорог, в рамках активного наращивания использования авиации, современных средств связи (не только телеграфа, но и телефона, и радио), массированного ввоза автомобилей. Отдельную эволюцию пережила медицина, целый ряд сложных производств военного назначения, однако всё это почти никогда не сопровождалось становлением османского суверенитета, ведь для этого требовалась производственная, а не только потребительская самостоятельность, то есть создание с нуля многих отраслей промышленности, включая фармацевтическую, станкостроительную, различных видов двигателе- и машиностроения и т.д. Условием этого было развитие множества смежных отраслей, требующих не только специалистов, но и времени, в том числе геологоразведки, добычи полезных ископаемых (угля, но также нефти, цветных металлов и т. д.), становления профильного производственного обучения и т.д. Без этого Османская империя оставалась всё более масштабным импортером индустриальной продукции. Однако в военных условиях Центральные державы не были способны удовлетворить даже собственные потребности в промышленных товарах и технике, а потому оказывались даже заинтересованы в индустриальном развитии Порты, хотя для этого с 1915 г. не хватало почти всего, включая дефицит рабочей силы. Однако перемены в уровне технического оснащения османской армии, путей сообщения и экономики в целом покончили с прежней инерционной моделью импорта и иллюзорной возможностью обойтись заграничными поставками, формируя новые потребности и подталкивая к их системному решению. Великая война дала мощный импульс к глубокому осознанию качественного развития инфраструктурно-технического суверенитета, что отразилось в многих составляющих кемалистских программ. Главным результатом 1914–1918 гг. стали не только новые объёмы знаний, но и идейный запрос на дальнейшее их развитие.

Особую сложность – на грани корректности даже базовых тезисов и аналогий – представляет вопрос о политико-идеологическом суверенитете, который затруднительно обосновать статистикой, а любые «объективные» оценки в лучшем случае предвзяты. Прямое идеологическое воздействие различных европейских мыслителей, прессы и парламентских группировок на османские элиты различных поколений и формировавшихся всю первую четверть XX в. партий отрицать невозможно, однако и версия механического копирования, искусственного переноса концепций и любых составляющих политической культуры, чуждых для османского политикума и внедряемых только под давлением внешних покровителей, выглядит столь же абсурдной. Нет сомнений в том, что младотурецкое движение на различных этапах своей истории [Zürcher, 1984] осциллировало между стремлением к полной уникальности и плохо скрываемыми заимствованиями, однако определяющей доли оригинальности и упорного стремления самостоятельно решать судьбы Османской империи и наращивать её роль в исламском мире оно не утрачивало никогда. Мнение об этом союзников – особенно по мере разочарования в надеждах на мощные антиколониальные восстания – становилось всё более неоднозначным.

Элементарным показателем наличия или отсутствия внешнего диктата является кадровая политика на высших постах в администрации и командовании. В Османской империи в 1914–1918 гг. ситуация на высших этапах иерархии отличается значительной стабильностью (всего 3 великих визиря, из которых первый занимал свой пост в течение более 2,5 лет войны), а также явно внутриосманской динамикой назначений, корни которой уходили в довоенный период. Ни того, ни другого нельзя констатировать с такой же уверенностью относительно 1908–1913 гг., что подталкивает к версии о более монолитной ориентации верхов в Порте на Германию с лета 1913 г. [Мирзеханов, Ланник, 2025, с. 180–190]. Однако

множество конфликтов (особенно скрытых) в младотурецкой партии и среди её политических союзников делают это предположение сомнительным. С некоторым основанием можно признать длительное укрепление позиций наиболее лояльной Германии группировки младотурок (Энвера и Талаата), что вовсе не означало их сервильности в отношении партнеров из Кайзеррейха¹⁴. Это доказывают многочисленные (и в случае с Энвером – острые) личные конфликты, особенно проявившиеся в 1918 г., однако имевшие место и до Великой войны, и после её начала. Некоторых назначений или лишений поста кайзеровские эмиссары, весьма широко представленные в османском Генштабе, добивались годами. Особенно это касается ожесточенных нападков на главного интенданта османской армии Хакки-пашу, считавшегося организатором основных потоков коррупции. При действительно катастрофическом положении и со снабжением, и с продажностью многих чинов османской армии за столь единодушными нападками союзников стояли, однако, прагматические мотивы. Именно Хакки-паша оставался главным препятствием к централизации управления путями сообщения ценой лишения османской администрации остатков соответствующих полномочий.

Даже отставка Джемал-паши в конце 1917 г. не стала следствием лишь жесткого давления Э. фон Фалькенгайна и других германских военных, конфликтовавших с некогда всесильным членом триумvirата, а имела отчетливый оттенок сведения счетов внутри младотурецкой партии, без окончательной утраты влияния Джемалем, который смог довольно быстро взять реванш (отставка Фалькенгайна в конце февраля 1918 г.), а затем сохранить немалое влияние на основные решения¹⁵. Весьма значительные перемены, подготавливавшиеся без какого-либо участия германской стороны, сулило вступление на престол Мехмеда VI в июле 1918 г., отличавшегося явно меньшими симпатиями к Кайзеррейху, однако не в силу особой лояльности Антанте (позднее лишь вынужденно изображаемой), а в связи со стремлением укрепить личную власть за счет Энвера, еще до этого лишившегося поста заместителя главнокомандующего вооруженными силами Порты. Уход в отставку правительства Талаата-паши к середине октября 1918 г. имел в виду явную попытку сформировать договороспособное с точки зрения Антанты правительство. Следующий кабинет Ахмеда Иззета-паши ни в коем случае не стал послушным исполнителем миссии по капитуляции, а потому был – не без оснований – обвинен в содействии сокрытию триумvirата в начале ноября и вскоре расформирован.

Никакой специфики в подобных политических маневрах, которая бы отражала явную утрату суверенитета Портой, не прослеживается: правительство Макса Баденского, сформированное в начале октября 1918 г., было глубоко аналогично «по политическому построению» и даже куда более проантантовским, на основе ложной славы принца как «пацифиста», по сравнению с техническим кабинетом боевого генерала Иззета-паши. Немало аналогий XIX–XX вв. возможно привести и из истории Румынии, Болгарии, Италии, Франции (Виши) и т. д. Вне сомнений остается тот факт, что ни до Великой войны, ни тем более во время неё столько раз уличавшаяся в неспособность Османская империя не знала открытой иностранной интервенции, которая была бы призвана установить выгодное покровителям правительство. Ни разу до 1919–1920 гг. суверенитет страны не был нарушен арестами и судебными действиями чиновниками иностранных государств. Примерами обратного (или претензий на нечто подобное) является австро-сербский конфликт в июле 1914 г., многочисленные нарушения нейтралитета Греции в 1915–1917 гг.

¹⁴ К сожалению, даже в крупных биографиях акценты расставлены заранее, так что оценить триумvirат вне наиболее одиозных черт его правления невозможно: [Kieser, 2020]. Энвер-паша и вовсе остается романтической фигурой.

¹⁵ Мемуары самого Джемала в этом отношении крайне показательны и степенью фальсификации, и углом зрения на события, с трудом сопоставимым с позицией германских акторов: [Djema1 Pascha, 1922].

Антантой, государственный переворот в Киеве в конце апреля 1918 г.¹⁶ Подчеркнутое уважение к прерогативам султанской власти и национальной гордости османов со стороны Центральных держав, испытывавших массу проблем из-за конфликтов с младотурками на разных уровнях, оказывается несовместимо с версией о внешнем управлении и «бесправном сателлите Берлина».

Под общим девизом эффективности управления, а с началом войны – и военных усилий, старшие партнеры Османской империи почти всегда были убеждены в безусловной необходимости управляемого контроля над суверенными действиями Порты, временного, но в действительности – постоянного и нарастающего. Еще до 1914 г., но особенно в военные годы окрепло стремление к всемерному наращиванию местных сторонников такого сюзеренитета – комплексной элиты с немецкоязычным высшим образованием и стажировками (в том числе в вооруженных силах). Представления о системности подобных усилий последовательно развивались и стали давать масштабные плоды уже в 1916–1918 гг. [Will, 2012; Kloosterhuis, 1994], даже несмотря на довольно острую германо-австрийскую конкуренцию [Pomiankowski, 1928], не говоря о мощной инерции проектов под эгидой стран, оказавшихся в составе Антанты. В лучшем случае неоднозначный эффект от этих «прогрессорских» усилий, то есть укрепление существенной опоры для восстановления суверенитета и обретение почти полного иммунитета к попыткам пресечь воздействие националистических младотурецких воззрений, недооценивали очень долго, хотя мемуаристика германских эмиссаров пестрит указаниями на крайне острое восприятие османскими партнерами любых попыток демонстрации превосходства или намерений побудить к полной европеизации [Ланник, 2023(2)]. В таких сферах деятельности как разведка, пропаганда [Kestler, 1994] или логистика (несмотря на последовательное стремление выстроить параллельное османскому отдельное снабжение германских и австро-венгерских частей [Jung, 1992]) любые эмоционально окрашенные конфликты могли возыметь самые тяжелые последствия, поэтому европейские эмиссары на местах не только всемерно углубляли свои познания об османской цивилизации, но и преодолевали стереотипы, насколько было возможно, порой даже ценой сделок с совестью [Stein, 2018].

Даже теоретические шансы на укрепление в период Великой войны внешнего политического воздействия на Порту следует оценивать с учетом устройства Кайзеррейха и Австро-Венгрии, оставшихся и в военные годы конституционными монархиями с заметной долей оппозиции в парламентах. Определённая монаршая солидарность поддерживалась до финала всех 3 союзных монархий, однако была явно демонстративной и не шла в сравнение с тем, что наблюдалось при Абдул-Хамиде II. Не способствовали её укреплению и деградация политического участия кайзера, и смерть Франца-Иосифа в конце 1916 г., и восшествие на престол Мехмеда VI, оказавшегося неудобным партнером для руководства союзных стран. «Элементарному» заимствованию, копированию или диктату не способствовало и политическое устройство держав Четверного союза, в том числе Османской империи, где сохранялась негласная, но ощутимая оппозиция младотурецкому триумvirату не только в военных, но и в парламентских кругах. В Германии и Австро-Венгрии давление парламентов на правительства по меньшей мере с 1916 г. только нарастало, проявляясь и в восприятии коалиционного взаимодействия, и в отношении реализуемых проектов на Ближнем Востоке, а тем более на развалинах Российской империи. В обеих немецкоязычных державах не было ни проправительственных, ни оппозиционных партий, готовых к публичным симпатиям в адрес младотурок, тем более с учётом влияния клерикальных

¹⁶ Последний можно вообще считать базовым примером перехода от определяющего воздействия старших «союзников» к прямому внешнему управлению, несмотря на массу местных политических факторов. См., подр.: [Ланник, 2020(1)].

группировок и неуклонного обострения Палестинского вопроса. За годы Великой войны даже потенциальные шансы на демонстративный экспорт из Вены или Берлина элементов политической культуры и лоббирования этого на высшем уровне значительно сократились из-за преследования в Порте нелояльных (мнимо или реально) национально-религиозных меньшинств [Каплан Кезбан, Мирзеханов, 2025], а также волны антиевропейских настроений из-за разрыва с традиционными «образцами» для многих османских элит – Францией и Великобританией. Интересы развертывания антиколониального движения под панисламскими лозунгами [Kreutzer, 2012; *Erster Weltkrieg und Dschihad*, 2014] толкали эмиссаров Центральных держав не к нарушению суверенитета Порты или диктату концептуальных политических рецептов, а к строго обратному: подчеркнутому уважению к репутации Константинополя и халифата вообще, к глубокому изучению (особенно по сравнению с прежним уровнем) специфики османской цивилизации и Ближнего Востока, к трансформации своих взглядов и пределов допустимого едва ли не в большей степени, чем к идейной «модернизации» своих турецких коллег.

Другим важнейшим признаком политико-идеологической субъектности стали оригинальные внешнеполитические проекты, стратегический уровень планирования (пусть и без должного учета реальных возможностей), выразившийся в запоздалой попытке переформатирования Порты с общевосточного в более тюркоцентричный конструкт. Туранская идея получила и вполне практическое, хотя и не слишком удачное воплощение, что возымело стратегические последствия не только для Османской империи, но и для Центральных держав в целом, а также для развития целого ряда государств Среднего Востока в течение XX в.¹⁷ Сам факт её реализации, как и бурного интереса к ней в Центральных державах (а позже и среди стран Антанты), демонстрирует высокую степень политико-идеологической самостоятельности (вне зависимости от качества замысла и параметров его реализации на первом этапе). Важность туранских проектов – несмотря на их порой фантастические допущения – заключается именно в том, что для коалиционных целей Центральных держав они были скорее, неудобны или прямо вредны, конкурируя с устремлениями Вены и Берлина в Азии [Mark, 2013] либо подрывая реализацию более насущных задач по удержанию основных фронтов. Острые внутрикоалиционные кризисы 1918 г., помимо дополнительных издержек в попытках установления гегемонии Центральных держав на Кавказе [Ланник, 2023(1)], имели и позитивные следствия, многому научив будущего создателя рейхсвера Г. фон Секта.

Суверенитет Османской империи, обеспечиваемый и дипломатическими условностями, и опасными демаршами младотурецкого правительства и генералитета, и политическим маневрированием внутри Четверного союза относительно степени германской гегемонии, за годы Великой войны оказался, что вполне естественно для коалиционных войн, существенно деформирован, но не ликвидирован и по совокупности выделенных направлений даже не ослаблен в целом (при сильной деформации отдельных его параметров). Возможно констатировать его сохранение в полном относительно довоенного или в минимально необходимом для субъектной внешней и внутренней политики объеме. Проиллюстрировать пределы сколь угодно масштабного воздействия и прямого участия в функционировании османских инстанций удобно по динамике работы военных миссий. Отношение к ним в годы Великой войны трансформировалось настолько, что это сделало невозможным возвращение к модели миссии К. фон дер Гольца или О. Лимана фон Сандерса в кемалистской Турции, хотя огромное влияние на её вооруженные силы специалистов и подходов из Германии вполне сохранилось [Grüßhaber, 2018].

¹⁷ О последствиях попыток переформатирования Османской империи в рамках возможностей, открывшихся после распада Российской империи, см.: [Мирзеханов, Ланник, 2025, с. 294–328; Васильев, 2023].

По итогам рассмотрения выделенных 4 параметров полярные оценки – о полнейшей утрате суверенитета младотурецкого режима едва ли не до Великой войны, а уж тем более почти сразу после её начала либо о едва ли не равноправном партнёрстве Порты с великими державами при условии крупной помощи и кредитов с их стороны, но без ущерба для османской самостоятельности – предсказуемо не выдерживают критики. Возможно выделить ряд неоднозначных тенденций и ломаную динамику борьбы вокруг отдельных направлений суверенного развития и реальных к тому возможностей. Беспрецедентная даже для постоянно воевавшей и до этого Османской империи военная нагрузка и экзистенциальный вызов для выстраиваемой столетиями особой цивилизации на стыке Востока и Запада не только подрывали остатки возможностей для реализации прежних амбициозных планов младотурок и их политических союзников, но и предоставляли почти фантастические по прежним меркам шансы на ускоренную европеизацию отдельных сфер жизни и на необычайно быструю организационно-техническую модернизацию под давлением общекоалиционных интересов и критически важных потребностей.

Сохранение – едва ли не вопреки всей динамике военных усилий и финансово-административной катастрофы османских властей – реального, а не только декларируемого суверенитета Порты стало важнейшим условием, в том числе психологическим, для формирования кемалистского движения, заложило основу для победы в войне за независимость в умах граждан будущей Турецкой республики и обеспечило, наряду с выдающимся личным вкладом Кемаля Ататюрка и ряда его соратников, субъектность внешней политики Турции вплоть до 1945–1946 гг., в том числе применительно к столь необратимым, как казалось к 1918 г., покровителям из Германии [Mangold-Will, 2013], а также к претендовавшим на политический сюзеренитет над кемалистами под иной ширмой деятелям из СССР [Hirst, 2024].

Важнейшим продолжением данного направления анализа и средством дополнительной верификации ряда выводов могут и должны стать компаративные исследования о степени и динамике суверенитета в годы Великой войны не только ряда воюющих стран (Италии, например, а уж тем более Российской империи и России при Временном правительстве) и их владений (Египта и Индии), но и формально нейтральных, но затронутых военными перипетиями едва ли не на равных с участниками войны государств, таких как каджарская Персия¹⁸, или государств-лимитрофов, появившихся ещё в ходе тотальной войны (как УНР/Украинская держава, Грузинская республика и т. д.) [Ланник, 2020 (2)].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Алиев Г.З. *Турция в период правления младотурок (1908–1918 гг.)*. М.: Наука, 1972 [Aliev G.Z. *Turkey under the Rule of Young Turks (1908–1918)*. Moscow: Nauka, 1972 (in Russian)].

Васильев А.Д. *Центральная Азия в политике России и Турции в XIX – первой половине XX в.* Дисс... д.и.н. М., 2023 [Vasilyev A.D. *Central Asia in Russian and Turkish Politics in the 19th – First Half of the 20th Centuries*. DSc Thesis. Moscow, 2023 (in Russian)].

Воспоминания с Ближнего Востока 1917–1918 гг. Пер. Л.В. Ланника, комм. и пред. В. Баумгарта, В.С. Мирзеханова, Л.В. Ланника. М.: НЛО, 2023 [Memories from the Middle East, 1917–1918. L.V. Lannik (tr.), V. Baumgart, V.S. Mirzekhanov, L.V. Lannik (tr., comm.). Moscow: NLO, 2023 (in Russian)].

¹⁸ До сих пор англо-российская перспектива оценки внешнего давления на Персию преобладает (см., напр.: [Ларин, 2023]), что затрудняет сравнение с Портой, однако уже давно последовали необходимые наработки для более сложной картины деформации персидской государственности в годы Великой войны и по ее итогам. См., напр.: [Mahrad, 1972; Mahrad, 1979].

Каплан Кезбан А., Мирзеханов В.С. Феномен «теннасура» в османских и российских источниках: кейс Трапезунда. *Новая и новейшая история*. 2025. № 6. С. 60–71 [Kaplan Kezban A., Mirzekhanov V.S. The Tenassur Incidents in Ottoman and Russian Accounts: The Trabzon Case. *Modern and Contemporary History*. 2025. No. 6. Pp. 60–71 (in Russian)].

Ланник Л.В. Германский фактор в государственном перевороте на Украине (апрель 1918 г.). *История*. 2020(1). Т. 11. Вып. 3(89) [Lannik L.V. The German Factor in the Ukrainian Coup of April 1918. *History*. 2020(1). Vol. 11. Issue 3(89) (in Russian)].

Ланник Л.В. *После Российской империи. Первая германская оккупация 1918 г.* СПб.: Евразия, 2020(2) [Lannik L.V. *After the Russian Empire. The First German Occupation, 1918*. Saint Petersburg: Evrazia, 2020(2) (in Russian)].

Ланник Л.В. *Непосильная гегемония. Германия на фронтах Гражданской войны в России*. СПб.: Евразия, 2023(1) [Lannik L.V. *The Unbearable Hegemony. Germany on the Fronts of the Civil War in Russia*. Saint Petersburg: Evrazia, 2023(1) (in Russian)].

Ланник Л.В. «Отуреченные офицеры»: субъективное измерение межимперского коалиционного взаимодействия. *История*. 2023 (2). Т. 14. Вып. 10(132) [Lannik L.V. “Turkized Officers”: Personal Dimension of Inter-Imperial Coalition Cooperation. *History*. 2023 (2). Vol. 14. Issue 10(132) (in Russian)].

Ларин А.Б. «Записка» консула в Басре К.В. Иванова: постановка вопроса об изучении Востока в российском МИД начала XX века. *Новая и новейшая история*. 2023. № 6. С. 95–108 [Larin A.B. The “Note” of the Consul in Basra K.V. Ivanov: Problem Statement of the Study of the East in the Russian Foreign Ministry of the Early XX Century. *Modern and Contemporary History*. 2023. No. 6. Pp. 95–108 (in Russian)].

Лудшувейт Е.Ф. *Турция в годы первой мировой войны: военно-политический очерк*. М.: МГУ, 1966 [Ludshuveit E.F. *Turkey during the First World War: A Military Political Essay*. Moscow: Mosocow University Press, 1966 (in Russian)].

Лютов И.С., Носков А.М. *Коалиционное взаимодействие союзников. По опыту Первой и Второй мировых войн*. М.: Наука, 1988 [Lyutov I.S., Noskov A.M. *Coalitional Interaction of Allies. The Experience of World Wars I and II*. Moscow: Nauka, 1988 (in Russian)].

Мирзеханов В.С. Версаль и Турция: тернистый путь к национальному государству. *История*. 2019. Т. 10. Вып. 6(80) [Mirzekhanov V. The Treaty of Versailles and Turkey: The Thorny Path to the Nation-State. *History*. 2025. Vol. 10. Iss. 6(80) (in Russian)].

Мирзеханов В.С. Панисламизм и консервативная модернизация в поздней Османской империи. *История*. 2020. Т. 11. Вып. 5(91) [Mirzekhanov V. Pan-Islamism and Conservative Modernization in the Late Ottoman Empire. *History*. 2020. Vol. 11. Iss. 5(91) (in Russian)].

Мирзеханов В.С., Ланник Л.В. *В перекрестье имперских проектов. Pax Ottomanica от первой конституции до Лозаннского мира*. М.: Аспект Пресс, 2025 [Mirzekhanov V.S., Lannik L.V. *At the Crossroads of Imperial Projects. Pax Ottomanica from the First Constitution to the Treaty of Lausanne*. Moscow: Aspekt Press, 2025 (in Russian)].

Михайлов В.В. *Великие державы и вовлечение Османской империи в Первую мировую войну*. СПб.: ГУАП, 2017 [Mikhailov V.V. *The Great Powers and the Ottoman Empire's Involvement in World War I*. Saint Petersburg: GUAP, 2017 (in Russian)].

Новичев А.Д. *Экономика Турции в период мировой войны*. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1935 [Novichev A.D. *Economy of Turkey during the First World War*. Moscow; Leningrad: Izdatelstvo Akademii nauk SSSR, 1935 (in Russian)].

Afflerbach H. *Der Dreibund: Europäische Großmacht- und Allianzpolitik vor dem Ersten Weltkrieg*. Köln; Wien: Böhlau, 2002.

Auf den Spuren der Osmanen in der österreichischen Geschichte. Hrsgs: I. Feigl, V. Heuberger, M. Pittioni, K. Tomenendal. Frankfurt/M.: Lang, 2002.

- Bachinger B. *Die Mittelmächte an der Saloniki-Front 1915–1918. Zwischen Zweck, Zwang und Zwist*. Paderborn: Schöningh, 2018.
- Beşikçi M. *The Ottoman Mobilization of Manpower in the First World War*. Leiden: Brill, 2012.
- Bihl W. *Die Kaukasus-Politik der Mittelmächte. Teil I. Ihre Basis in der Orient-Politik und ihre Aktionen 1914–1917*. Wien; Köln; Weimar: Böhlau, 1975.
- Bihl W. *Die Kaukasus-Politik der Mittelmächte. Teil II. Die Zeit der versuchten kaukasischen Staatlichkeit (1917–1918)*. Wien; Köln; Weimar: Böhlau, 1992.
- Buchmann B.M. *Österreich und das Osmanische Reich: eine bilaterale Geschichte*. Wien: WUV-Universitätsverlag, 1999.
- Djermal Pascha A. *Erinnerungen eines türkischen Staatsmannes*. München: Drei-Masken-Verlag, 1922.
- Dschawid Bei. *Türkische Kriegsfinanzwirtschaft*. C.A. Schaefer (ed.). Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1917.
- Emin A. *Die Türkei*. Gotha: F.A. Perthes, 1918.
- Erickson E.J. *Ottoman Army Effectiveness in World War I, a Comparative Study*. New York: Routledge, 2007.
- Erster Weltkrieg und Dschihad. Die Deutschen und die Revolutionierung des Orients*. W. Loth, M. Hanisch (eds.). München: De Gruyter, 2014.
- Friedrich Freiherr Krefß von Kressenstein: Bayerischer General und Orientkenner. Lebenserinnerungen, Tagebücher und Berichte 1914–1946*. W. Baumgart (ed.) Paderborn: Schöningh, 2020.
- Handbuch einer transnationalen Geschichte Ostmitteleuropas. Bd. 1. Von der Mitte 19. Jahrhunderts bis zum Ersten Weltkrieg*. F. Hadler, M. Middell (eds.) Göttingen: Vandenhoeck&Ruprecht, 2017.
- Hartmann E. *Die Reichweite des Staates: Wehrpflicht und moderne Staatlichkeit im Osmanischen Reich 1869–1910*. Paderborn: Schöningh, 2016.
- Hirst S. *Against the Liberal Order: The Soviet Union, Turkey, and Statist Internationalism, 1919–1939*. Oxford: Oxford University Press, 2024.
- Grüßhaber G. *The “German Spirit” in the Ottoman and Turkish Army, 1908–1938: a history of military knowledge transfer*. Berlin: De Gruyter, 2018.
- Jung P. *Der k.u.k. Wüstenkrieg. Österreich-Ungarn im Vorderen Orient, 1915–1918*. Graz: Styria Verlag, 1992.
- Keisinger F. *Unzivilisierte Kriege im zivilisierten Europa?: die Balkankriege und die öffentliche Meinung in Deutschland, England und Irland 1876–1913*. Paderborn: Schöningh, 2008.
- Kestler S. *Die deutsche Auslandsaufklärung und das Bild der Ententemächte im Spiegel zeitgenössischer Propagandaveröffentlichungen während des Ersten Weltkrieges*. Frankfurt/M.: Lang, 1994.
- Kieser H.-L. *Talât Pascha. Gründer der modernen Türkei und Architekt des Armeniergenozids. Eine politische Biografie*. Zürich: Chronos Verlag, 2020.
- Kloosterhuis J. „Friedliche Imperialisten“: deutsche Auslandsvereine und auswärtige Kulturvereine: 2 Tle. Frankfurt/M.: Lang, 1994.
- Kolm E. *Die Ambitionen Österreich-Ungarns im Zeitalter des Hochimperialismus*. Frankfurt/M.: Lang, 2001.
- Kreutzer M.S. *Dschihad für den deutschen Kaiser: Max von Oppenheim und die Neuordnung des Orients (1914–1918)*. Graz: Ares, 2012.
- Mahrad A. *Iran auf dem Weg zur Diktatur, Militarisierung und Widerstand 1919–1925: ein Beitrag zur Konfliktforschung nach Archivmaterialien aus deutschen und britischen Quellen*. Hannover: SOAK, 1972.
- Mahrad A. *Die deutsch-persischen Beziehungen von 1918–1933. 2. Aufl.* Frankfurt/M.: Lang, 1979.
- Mangold-Will S. *Begrenzte Freundschaft – Deutschland und die Türkei 1918–1933*. Göttingen: Wallstein, 2013.
- Mark R.A. *Krieg an fernen Fronten. Die Deutschen in Russisch-Turkestan und am Hindukusch 1914–1924*. Paderborn: Schöningh, 2013.

- Mühlmann C. *Das deutsch-türkische Waffenbündnis im Weltkriege*. Leipzig: Amelang, 1940.
- Mühlmann C. *Oberste Heeresleitung und Balkan im Weltkrieg 1914/1918*. Berlin: Limpert, 1942.
- Nagel J. *Zwischen Kapitalarmut und Kapitalexport: zum Problem der Auslandsinvestitionen deutscher Grossbanken am Beispiel der Eisenbahnunternehmen der Deutschen Bank in Südosteuropa und dem Osmanischen Reich zwischen 1888 und 1914*. Frankfurt/M.: Lang, 1996.
- Österreich in Istanbul: k. (u.) k. Präsenz im Osmanischen Reich: 3 Bde. Wien: LIT, 2010–2018.
- Pomiankowski J. *Der Zusammenbruch des Ottomanischen Reiches. Erinnerungen an die Türkei aus der Zeit des Weltkrieges*. Wien: Amalthea, 1928.
- Römer M. *Die deutsche und englische Militärhilfe für das Osmanische Reich 1908–1914*. Frankfurt/M.: Lang, 2007.
- Schweitzer G. *Die Türkei im Spiegel ihrer Finanzen (Les finances de la Turquie)*. Berlin: Carl Heymanns Verlag, 1903.
- Shaw E.K., Shaw S.J. *History of the Ottoman Empire and modern Turkey. Vol. II. Reform, Revolution and Republic: The rise of modern Turkey, 1808–1975*. Cambridge: Cambridge University Press, 1977.
- Stein O. *Nachrichtendienstoffizier im Osmanischen Reich: Ernst Adolf Muellers Kriegseinsatz und Gefangenschaft im Vorderen Orient 1915–1919: mit einer kritischen Edition seiner Erinnerungen*. Baden-Baden: Ergon Verl, 2018.
- The Mobility-Security Nexus and the Making of Order: An Interdisciplinary and Historicizing Intervention*. H. Hein-Kircher, W. Distler (eds.) London: Routledge, 2022.
- Transottomanica – Osteuropäisch-osmanisch-persische Mobilitätsdynamiken. Perspektiven und Forschungsstand*. S. Rohdewald, S. Conermann, A. Fuess (eds.) Göttingen: Vandenhoeck&Ruprecht, 2019.
- Trumpener U. *Germany and the Ottoman Empire*. Princeton: Princeton University Press, 1968.
- Wallach J.L. *Anatomie einer Militärhilfe. Die preussisch-deutschen Militärmissionen in der Türkei 1835–1919*. Düsseldorf: Droste, 1976.
- Weber F.G. *Eagles on the Crescent. Germany, Austria, and the Diplomacy of the Turkish Alliance 1914–1918*. London: Ithaca, 1970.
- Will A. *Kein Griff nach der Weltmacht. Geheime Dienste und Propaganda im deutsch-österreichisch-türkischen Bündnis*. Köln: Böhlau, 2012.
- Zürcher J.E. *The Unionist factor: The Committee of Union and Progress in the Turkish national movement 1905–1926*. Leiden: Brill, 1984.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

МИРЗЕХАНОВ Велихан Салманханович – доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Института всеобщей истории РАН, Москва, Россия.

Velikhan S. MIRZEKHANOV, DSc (History), Professor, Deputy Director, Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

ЛАННИК Леонтий Владимирович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, Москва, Россия.

Leontiy V. LANNIK, DSc (History), Leading Research Fellow, Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.